

Коллин
Маккалоу

Colleen
McCullough

*SINS OF
THE FLESH*

Коллин
Маккалоу

*Плотский
грех*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
М15

Серия «Поющие в терновнике»

Colleen McCullough
SINS OF THE FLESH

Перевод с английского *Н. Кудашевой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
InkWell Management LLC и Synopsis Literary Agency.

Маккалоу, Колин.

М15 Плотский грех : [роман] / Колин Маккалоу ;
[пер. с англ. Н. А. Кудашевой]. – Москва : Издатель-
ство АСТ, 2016. – 352 с. – (Поющие в терновнике).

ISBN 978-5-17-088082-9

1969 год. В городке Холломан кто-то похищает, жестоко истязает и обрекает на смерть красивых юношей. Здесь явно орудует серийный убийца – и времени на его поимку у капитана Дельмонико в обрез, ведь очередная жертва преступника, возможно, еще жива... А одновременно команде Дельмонико приходится распутывать не менее таинственное дело об исчезновениях молодых женщин, которые происходят в городке на протяжении вот уже шести лет.

И в довершение ко всему прочему в Холломане объявляется загадочный мотоциклист, который совершает целую серию кровавых и на первый взгляд абсолютно немотивированных убийств.

Расследовать три таких сложных дела сразу – нелегкая задача даже для капитана Дельмонико и его команды...

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Colleen McCullough, 2013
© Перевод. Н. Кудашева, 2015

ISBN 978-5-17-088082-9

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Посвящается Карен Куинтал.
С глубокой благодарностью за
долгие годы верности и любви.
С надеждой, что еще столько же
ждет впереди.
Спасибо, подруга.

*Полночь с воскресенья на понедельник,
3-4 августа, 1969 год*

Он понятия не имел, что сейчас полночь. Он не знал, светит ли солнце или мерцают звезды. Точно так же не мог он вычислить, как долго тут пробыл, — настолько неотчетливо тянулось время. Только что он был свободен и счастливо улыбался посреди мира, широко распахивавшего ему свои объятия; а в следующий миг вдруг провалился в сон столь глубокий, что не помнил даже мельчайшего фрагмента того, что снилось.

Когда он проснулся, то оказался здесь, в иной жизни. В этой большой, безликой комнате помещались унитаз с мягким сиденьем и пластиковый фонтанчик для питья, выпускающий тонкую струю, стоило лишь поставить ногу на расположенную на полу кнопку. Итак, он мог пить и имел опрятное место, чтобы справлять нужду. Здесь у всего был один цвет — грязно-бежевый, не из-за грязи, а из-за скудного освещения от одной тусклой лампочки в центре потолка, в прочном стеклянном кожухе, оплетенном стальными прутьями.

Он был совершенно обнажен, хотя не чувствовал ни жары, ни холода. Все было странно мягким — пол и стены вздыхали и нежно продавливались всякий раз, когда он их касался, подобно кожаным подушкам на сиденье машины. То, что он поначалу посчитал швами вокруг подножия стен, оказалось прямой противоположностью швов — выпуклыми валиками, словно амортизирующая

поверхность стен была вбита в щель вместе с краями полового покрытия. Сколько бы он ни старался расковырять материал кончиками пальцев, тот отказывался поддаться даже на миллиметр.

Вскоре волчий голод стал единственной сутью его существования, ибо, хотя он мог вволю напиться, у него не было ни крошки еды. Временами, погружаясь в сон и пробуждаясь, он смутно припоминал вкус еды и понимал, что его чем-то кормят, и это что-то укладывалось в его животе тлеющим угольком такой восхитительной теплоты и комфорта, что даже самые мимолетные воспоминания об этом заставляли его плакать.

Смутно вспоминались окутанные туманом периоды паники, когда он громко и безостановочно вопил, бился о стены, молотил кулаками по этим мягким, прогибающимся поверхностям, выл, как старый пес, и скулил, и рычал, и лаял, и голосил. Никто никогда не отвечал. Он слышал только самого себя. Приходя в себя после приступа паники, изнуренный, измученный, он жадно бросался пить и засыпал мертвым сном, лишенным сновидений, последней мыслью перед которым была надежда получить еду.

Ему было нечего делать, некуда смотреть — не было даже зеркала, ничего, чтобы скоротать время! Это ему-то, человеку, который провел столько минут, пялясь на собственное отражение, восхищаясь совершенством своей красоты. В те времена ему стоило только улыбнуться, чтобы получить желаемое. Но здесь было некому улыбаться. Только один крохотный шанс улыбнуться — вот все, что ему было нужно! Улыбка вывела бы его отсюда — никто никогда — никогда! — не мог устоять перед его улыбкой! Улыбка добыла бы ему еду. Еда всегда поступала к нему во время сна, стало быть, он должен засыпать с улыбкой.

Он слабел, это было похоже на то, как тащится улитка, — с отупляющей медлительностью и огромным усилием, с очевидным трудом удерживая на себе домик своей жизни.

Ведь если бы тот соскользнул, он и сам бы исчез, словно капля слезы на раскаленной добела печи. Он пока еще не хотел расставаться со своей красотой! И со своей улыбкой!

— Почему вы так жестоки? — спросил он и улыбнулся. — Кто вы?

На сей раз его пробуждение принесло перемены: он был по-прежнему голоден и теперь испытывал боль.

Никакого приятного тепла, никакого уголька, тлеющего в желудке, — эта неведомая сила его не покормила! Но по крайней мере боль говорила, что он все еще жив, и это была не мучительная боль, а скорее ноющая — боль в паху. Он не мог постичь, откуда взялось внимание этой неведомой силы к его паховой области, с которой удалили все волосы. В остальном же это неведомое оно, насколько ему было известно, ни разу не подвергало его никакому поруганию. Нынешняя боль после пробуждения заставила его в этом усомниться, и он нащупал свой пенис; тот был на месте, неповрежденный. Нет, болезненное ощущение было за ним, в мошонке. *Что-то было не так!* Каждое яичко должно было свободно перекатываться под его пальцами внутри мешочка, но они не перекатывались. Его мошонка была пуста. Пуста!

Он пронзительно взвизгнул, и с каждого квадратного дюйма комнаты раздался голос, чей источник было невозможно определить.

— Бедный евнух, — по-голубиному заворковал голос. — Ты вел себя хорошо, мой бедный евнух. Никакого кровотечения. Они выкатились так же легко, как косточка из тощего авокадо. Чик-чик! Чик-чик! И нет яиц.

Он громко вскрикнул и продолжал кричать, издавая долгие пронзительные завывания горя и отчаяния, которые в конце концов перешли в невнятное бормотание, а за ним последовало молчание и ступор. Боль угасала, постепенно уходя в небытие, гораздо легче переносимая, чем боль голода, и даже голод уже не имел того значения, как

до этого страшного открытия. Без его мужского естества ему было уже не о чем улыбаться. Полнейшая усталая безнадежность вошла в его душу и поселилась там навсегда.

Хотя он не знал, что сейчас полночь, беспощадный удар косы Времени, отпихнувший назад воскресенье, третье августа, и протолкнувший вперед понедельник, четвертое августа, он внезапно понял, что еды больше не будет. Съежившись, обхватив руками колени, он сидел, уставившись вверх широкого пространства пола в грязно-бежевую бесконечность.

Позади него, с потолка, стало спускаться кресло и, бесшумно снизившись, остановилось, так что его подножие оказалось в метре от пола. Поверни он голову, он бы его увидел и увидел сидевшего в нем человека, но он не повернул головы. Все, что от него осталось, было сосредоточено на этом созерцании бесконечности, хотя мыслями он был уже далеко, угасая. Будучи в данном вопросе авторитетом, его наблюдатель оценил, что ему осталось дней сорок до того, как в нем погаснет последняя искра жизни. Сорок дней исступленных речей — какой материал для изучения! На лице узника до сих пор сохранялось некое подобие улыбки...

Кресло втянулось обратно в потолок, а умирающий продолжал вглядываться в бесконечность, пытаясь увидеть свое будущее.

Понедельник, 4 августа, 1969 год

— Я говорила тебе, Эйб, я же говорила! — сказала Делия. — Но вы с Кармайном вели себя как типичные мужчины — не желали слушать женщину, ах, ни в коем случае!

Они с Эйбом сидели за столиком в кафе «Мальволио» в ожидании ленча, и Эйб только что ошибся в расчете: тонкий, просвечивающий наряд Делии горчично-желтого и кораллово-розового цветов показался ему свидетель-

ством ее податливости и указанием на то, что сегодня она безмятежно скучна. Однако ее реакция на его новость говорила об обратном. Эйб внутренне вздохнул и пересмотрел свою мысленную схему под названием «Делия Карстерс».

— Что ж, чтобы меня убедить, потребовалось сегодняшнее известие, — заносчиво проговорил он. — До нынешнего момента свидетельства были недостаточными.

— Не хватало свидетельств, не хватало и пороку, — бросила она с отвращением.

— Я не понимаю, почему ты так громко злорадуешь, — проворчал Эйб.

— Вон идет Минни с нашим омлетом, — произнесла Делия голосом чопорной школьной училки, — и я предлагаю перед обсуждением поесть.

Ах вот в чем дело! Делия попросту голодна! Эйб смиренно принялся за еду. Взятый хозяином ресторана Луджи летний повар превосходно готовил западный омлет*, и Делия ими еще не насытилась. А это означало, что мысленная схема Эйба под названием «Делия Карстерс» не могла оставаться в неизменном виде. Вопрос состоял в том, что в ней подкорректировать. Очень сложной была эта мысленная схема.

Расправившись с едой, Делия подалась вперед, и ее ярко-карие глаза загорелись.

— Просвети меня, — скомандовала она.

— То же самое, что и с Джеймсом Доу. Гус назвал его Джебом Доу — под этим именем он останется до тех пор, пока не будет идентифицирован** — если только это ког-

---

* Омлет с луком, сладким зеленым перцем и ветчиной. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Под псевдонимом Джон Доу подразумевается неопознанное тело. В случае если тело принадлежит женщине, используется термин Джейн Доу, если младенцу — Бэби Доу. В больницах англоязычных стран так называют пациентов, чьи имена по каким-то причинам (амнезия, кома, отсутствие родных и близких, которые могли бы назвать имя пациента) неизвестны.

да-нибудь случится. Я знаю, ты отстаивала версию, что Джеймс Доу связан с четырьмя предыдущими трупами, но разложение не позволило получить какой-либо определенный результат анализа, тогда как с Джебом Доу это возможно. — Сигарета Эйба разгорелась, он затянулся с явным удовольствием. — Гус еще не объявил результатов по Джебу, но предварительная экспертиза показывает поразительное сходство с Джеймсом. Тело было найдено на Уиллард-стрит, в двух кварталах дальше Кэтерби-стрит, куда жители пуэрториканского пригорода пристрастились сваливать мусор. Причина смерти неочевидна, хотя голод определенно сыграл в этом свою роль. Его кастрировали за несколько недель до смерти.

— Причиной смерти окажется голод, — уверенно сказала Делия, — и преступник — серийный убийца, ты должен немедленно это признать. Джебу и Джеймсу Доу предшествовали четыре Джона Доу, чьи кости мы обнаружили. И я считаю, что их было гораздо больше четырех.

— Если и так, то не в Холломане. Мы провели ретроспективный анализ за двадцать лет и не нашли ничего до первого Джона Доу, убитого в шестьдесят шестом. — Эйб выпустил роскошную струю дыма, затем горестно посмотрел на свою сокращающуюся сигарету. — Почему они так быстро кончаются?

— Потому что ты бросаешь курить, Эйб, милый, и следующая сигарета будет только вечером после ужина. Ты уверен, что нигде в Коннектикуте нет других Джонов Доу?

— На данный момент да, но я попрошу Лиамы и Тони еще раз навести справки. — Эйб криво усмехнулся. — По крайней мере, мы можем быть вполне уверены, что никакие тела не объявятся в идиллической сельской обстановке.

— Да, этот парень определенно считает свои жертвы мусором. — Когда Эйб поднялся, чтобы уходить, Делия положила руку ему на запястье. — Нет, прошу тебя, давай

побудем еще минутку. Здесь так чудесно работает кондиционер.

Эйб сел, словно хорошо выдрессированный супруг.

— Да, здесь прохладно, но дым меня изводит, — жалобно заметил он.

Она раздраженно мурлыкнула.

— Я нежно люблю тебя, Эйбрахам Сэмюэл Голдберг, но ты должен преодолеть свою привычку к курению. Настрой свои мозги куда следует — на Джеба Доу, а не на ковбоя Мальборо.

— Извини, — пробормотал он, выдавливая улыбку. — Если причина смерти Джеба Доу — голод, тогда нам известно, что и последние два Доу были уморены голодом, а также кастрированы. Это, в свою очередь, дает нам возможность предположить почерк преступника во всех шести случаях. Изуверство!

— Да, совершенно отвратительно, — скривилась Делия. — Это очень необычный способ убийства, потому что степень преднамеренности поистине устрашающая. Я имею в виду, что на такое требуются недели, если не месяцы, а прервать процесс можно в любое время. При этом способ не грязный, и в этом он определенно противоположен большинству убийств.

— Ты хочешь сказать, что убийца холоднее льда и тверже стали.

— Да, тогда как убийство по самой своей природе предполагает страсть и ярость, — нахмурилась Делия.

— Как вообще могло кому-то прийти в голову в качестве модуса операнди* морить жертвы голодом? Тут нужен какой-то каземат. — На веснушчатом лице Эйба отразились ужас и смятение. — А ведь мы здесь, в Холломане, уже недавно натыкались на кое-какие подземелья.

— Вот именно! — взволнованно воскликнула Делия. — Уморить голодом — это средневековая форма убийства.

---

* Способ совершения преступления.

Обладая обилием подземелий, наименее цивилизованные монархи увлеченно предавались этому развлечению. Тетя Софонисба обидела короля, и король бросил ее в подземелье, где — о, кто бы мог подумать? — ее забывали кормить. Однако жертвами почти всегда были женщины. Это вид убийства через третье лицо, что уменьшает вину.

Забыв про сигареты, Эйб заинтригованно уставился на Делию.

— Я слышу тебя, но правильно ли понимаю? Ты намекаешь, что убийца наших Доу — женщина? Или что жертвам следовало быть женщинами?

Делия резко отклонилась от темы.

— Ограничивая значение слова «гомосексуальный» только мужской частью рода человеческого, одновременно относя лесбиянок на второе место, я уверена, что, хотя некоторые гомосексуалисты, возможно, и ощущают себя женщинами, застрявшими в ловушке мужских тел, большинство из них так себя не воспринимают. В конце концов, гомосексуальность не есть прерогатива человеческих существ. Животные тоже ее практикуют, — заявила она.

В блестящих серых глазах Эйба мелькнуло замешательство.

— Ты хочешь сказать, что это гомосексуальные убийства? Или что?

— Я хочу сказать, что убийца определенно не гомосексуал.

Эйб продолжал таращиться на нее как загипнотизированный. Как работает ум Делии? Даже более мощные, чем у него, умы не смогли найти ответа на этот вопрос, поэтому и Эйбу было не стыдно признать свое поражение.

— То есть, согласно твоей гипотезе, убийство четверых Джонов Доу, Джеймса Доу и Джеба Доу — все дело рук одного и того же гетеросексуального киллера?

— Определенно. Ну же, Эйб, ты думаешь точно так же!

— После Джеба признаю, что киллер тот же самый. Гетеросексуал? Хоть убей, не знаю.

— Главный вопрос: как давно он начал свои эксперименты?

— Ты имеешь в виду, как он пришел к своему преступному почерку?

— Именно это я и имею в виду. — Делия выгнулась в восторге предвкушения. — Ты расследовал дело Джеймса Доу, Эйб, поэтому должен ввести меня в курс дела.

— Общее мнение в то время было таково, что это гомосексуальное убийство чистой воды. Но после того как мы с Лиамом побеседовали с профессором Эриком Содерстеном, нам пришлось пересмотреть это мнение.

«Полным-полно случаев, — подумала Делия, — когда небольшое полицейское управление в маленьком городе может обладать неожиданными преимуществами». Полицейское управление Холломана имело в своем распоряжении все ресурсы и высококвалифицированные кадры одного из крупнейших мировых университетов; в их числе были профессора психиатрии медицинского факультета университета Чабба. Доктор Эрик Содерстен, знаменитый авторитет в области психологии гомосексуальности, проконсультировал Эйба по его просьбе.

— По заключению профессора, кастрация жертвы показала, что провоцирующим фактором убийства было изнасилование, а не гомосексуальность. Наши изыскания в среде гомосексуального контингента Холломана никуда не привели. — Лицо Эйба озарила его прекрасная улыбка. — Нам также было сказано, что на пороге нового десятилетия и при том, что так много парней выходит из тени, публично заявляя о своей гомосексуальности, гомосексуализм обретает новую жизнь вместе со словом «гей». Нам приходится учиться говорить «гей», а не гомосексуалист.

— Мне приходилось слышать слово «гей», — сказала Делия. — Оно восходит ко временам Оскара Уайльда, если не к более ранним. Но продолжай, дорогой.

— Так или иначе, теперь, по крайней мере, стала ясна причина отсутствия информации от гей-сообщества: судя по всему, Джеймс Доу не был гомосексуалистом, и его убийство не имело гей-аспектов. Вместо этого нам пришлось спросить себя, не изнасиловал ли он кого-нибудь.

— Быть может, он был гомосексуалом и изнасиловал мужчину?

— Делия! Такого вывода мне не нужно! — сердито посмотрел на нее Эйб. — Ты не совместима с жарой. Мне надо закуриться.

— Вздор, ничего подобного. Ты в унынии, Эйб, милый, потому что обнаружение Джеба Доу кладет конец теориям с изнасилованием. Этот убийца живет ради акта убийства, и его приходится расценивать как серийного. Причины, по которой он кастрирует своих жертв, будут абсолютно индивидуальными и не связанными ни с какими фрейдистскими обобщениями. — Делия поднялась в своем горчично-коралловом облаке. — Идем, давай посмотрим, произвел ли Гус вскрытие.

Они вышли на улицу, в августовский зной, где влажность доходила почти до точки насыщения, и, задыхаясь, начали ловить ртом воздух.

— Я вовсе не безумна, Эйб, у меня просто свой подход к расследованию дела, — жизнерадостно сказала Делия, пока они спускались в морг, расположенный на минус первом этаже. — Как же хорошо, что во всех помещениях судмедэкспертизы всегда имеется кондиционер. — Ее лицо погрузнело. — Все же немного печально не видеть толстощекого лица Патрика. Похоже, он решил спешно сложить с себя коронерские* обязанности.

— Ты не можешь его винить.

— Нет, конечно, но скучать по нему могу.

---

* К о р о н е р — должностное лицо округа с медицинским образованием, расследующее случаи смерти человека, погибшего предположительно насильственной смертью или при вызывающих подозрение обстоятельствах.

Густав Феннелл занял место Патрика О'Доннелла в качестве коронера и судмедэксперта — решение, обрадовавшее всех после неожиданной болезни Патрика, которого скрутил зловредный артрит. Замена такого волевого, энергичного, прогрессивного человека, как Патрик, подобным ему специалистом привела бы ко всевозможным войнам, внутренним и внешним, тогда как старый добрый Гус (который на самом деле не был ни слишком старым, ни слишком добрым) знал все ходы и выходы и мог надежно и гладко руководить отделом. Не имея привлекательности и обаяния своего ушедшего на покой шефа, Гус преуспевал в роли зама руководителя, сознательно играя вторую скрипку, что было хорошо известно комиссару Джону Сильвестри. Сейчас, проведя в должности главного судмедэксперта три месяца, истинный Гус начинал сбрасывать свои покровы в том затейливом танце, который, как знал Сильвестри, в итоге закончится появлением на свет мягкого, но непреклонного автократа, который будет продвигать свой отдел вперед и вверх с предельной эффективностью.

Как и Патрик, Гус обожал проводить вскрытия убитых, и чем запутаннее и загадочнее было дело, тем лучше. Когда Делия и Эйб вошли, в халатах и бахилах, в его прозекторскую, он как раз стягивал с себя перчатки, предоставляя закончить работу ассистенту. Если причина смерти была неизвестна и могла иметь инфекционный фактор, он работал в маске, как и было в случае с Джебом Доу.

Сняв маску, он провел своих посетителей в укромный угол комнаты, где стояло несколько стальных стульев, и сам сел со вздохом облегчения. Лишенные защитных покрытий, его лицо и волосы представлялись — другого слова не подобрать — совершенно невыразительными. Патрик казался самым обычным и как будто даже сливался с обоями. Однако его худощавое тело обладало гибкостью и силой, о которой его пропорции давали